

Т. В. ШМЕЛЕВА

**Навечно в памяти и жизни.
Мои воспоминания о Волошине**

<Фрагмент>

Из письма от 13.01.1914 года:

«Почему ты думаешь, что Ева тебя не понимает, находя в тебе “барство и аристократизм”? По-моему, она совершенно права в этом смысле. <...> Твоя простота по отношению к людям, врожденное чувство равенства — разве это не аристократические черты? А твоя самостоятельность, костюм? Это, конечно, все барство. Ведь демократизм твой — идейный, т. е. аристократический. Посмотри кругом, какие бывают рожденные демократы... И во всей твоей повадке, в отношении к людям, в отношении к деньгам, конечно, есть то, что можно назвать “Grande dame”. Именно потому, что просто “dame” к тебе совершенно неприложимо. Ведь аристократизм всегда определяется обособленностью и несходством с толпой, а в широте натуры и самобытности сказывается барство — русский оттенок аристократизма»¹.

Он не похож ни на кого. Он — Макс. О нем нельзя говорить: небольшого роста, голубые глаза (и глаза-то совсем не голубые), близорук. Он огромный и сильный. Рядом с ним нет страшного. Мне казалось, что Макс все мог. С любым горем, с любой болью можно к нему прийти, и он все снимет. Вероятно, не одной мне так казалось — к нему тянулись все и никто не уходил, не унося радость общения с ним, радости освобождения от тягости бытия, от боли.

Макс по-настоящему и глубоко любил людей.

Из письма матери из Парижа от 10.12.1911 г.:

«Мне кажется, что я еще никогда так не отдавался людям, как теперь, и никогда так не любил каждого встречного человека»².

Ей же 30.12.1911 г.:

«Я каждого человека беру с его положительной стороны и совершенно сознательно стремлюсь разучиться судить и осуждать. <...> Я стрем-

люсь в *каждом* человеке, которого судьба ставит на моем пути, найти те стороны, за которые его можно полюбить. Эти стороны почти всегда его воля к жизни и горение, мне кажется, что только этим можно призвать к жизни хорошие черты человека»³.

Каждому он отдавал кусочек себя, каждого заряжал чувством прекрасного, светлого, помогал найти в самом себе это прекрасное и умение видеть его в других, в окружающем.

Обаяние Макса было безмерным. Им он покорял и друзей и врагов. Его как человека очень воспитанного и предупредительного всегда коробило любое проявление бестактности и некорректности, а небрежное отношение к книгам, которые он считал своим самым большим сокровищем, пошлость, лживость, пресмыкательство перед кем или чем бы то ни было и наглость утверждающей себя бездарности были для него нетерпимы и глубоко оскорбляли, вызывая бурные вспышки гнева. Случалось это редко, но было ужасно. Опустошенный он уходил, чтобы в одиночестве вновь обрести себя. Он часто улыбался, смеялся, но хохочущим я никогда его не видела.

Любил он шутку и розыгрыш, творя их с таким мастерством, что иногда и близких вводил в заблуждение. В такие моменты он очень внимательно наблюдал за окружающими, отмечая их восприятие, на основании которого составлял очень верное представление о человеке.

Из письма Макса Пра из Коктебеля в Москву от 07.01.1914 г.:

«Я начал гораздо больше понимать людей, но понимание мое не головное и не холодное. Я понимаю человека всем существом, только это понимание не инстинктивное — мне надо сознательно заставить себя сосредоточиться (отсюда выходят все мои угадывания, которыми мне случается изумлять при гадании), но во внутренней своей жизни и в чувствах я очень скрытен»⁴.

Да, он никогда и ни перед кем не обнажал «Дух до дна»⁵ и совершенно не терпел попыток проникнуть в его личную жизнь.

Взаимоотношения с Маргаритой были сложными и часто непонятными им самим. Желание их объяснить недопустимо. Макс очень болезненно переживал принципиальные расхождения, все больше отделяющие их друг от друга, но и любовь к Маргарите (Маргарита Васильевна Сабашникова — первая жена Волошина) не могли заставить его пойти на компромисс со своими взглядами, со своим Я.

Его интересовала философия всех вероучений, но стать слепым последователем любой из них он не мог. Сам никогда и никого не поучал, считал, что каждое учение насилует воля и ограничивает мысль.

Понятен был далеко не всем, да он к этому и не стремился. При жизни слагались невероятные легенды о его образе жизни, взаимоотношениях с людьми. И Макс никогда ничего не опровергал. Это его смешило, и он даже подыгрывал, дразня обывательское любопытство.

В трудные для себя периоды уходил в игру, и мысль заострял до парадокса, что вызывало и недоумение и подчас даже осуждение окружающих. И Маргарита его не понимала, и ее раздражал будто неуместно веселящийся Макс, и она считала это ненужным шуташничеством. Но за всей этой игрой, за всеми парадоксами скрывался подлинный Макс — большой, глубокий, сильный. И Макс шел своим путем, к своим вершинам, все впитывая, всем проникаясь, за всем наблюдая... Накопленное откладывалось в хранилищах памяти, чтобы потом прорасти стихами, статьями, рассказами.

Шли годы... Он рос, мужал, менялись некоторые увлечения, но до удивительности оставался тем же — самим собой.

Несмотря на кажущуюся простоту, Волошин сложен и многогранен. Писать о нем трудно. Почти каждый исследователь его творчества, его личности лепит образ, приемлемый для себя и себе понятный, часто до неузнаваемости искажая его. Пишущим о нем следует осознать всю ответственность перед будущим, чтобы донести до этого будущего подлинный образ Волошина — поэта, художника, мыслителя, человека. Нельзя вкладывать в его голову собственные мысли. Не надо его объяснять. Стихи, статьи, письма, вся его жизнь скажут о нем лучше и больше, то есть он сам скажет о себе.

К популяризации надо относиться осторожно: она может привести к опошливанию и даже вульгаризации.

Пусть каждый стремящийся к Волошину сам находит и открывает его для себя, принимает и понимает, как может, по своему уразумению⁶.

<1979>

